

ПОЧЕМУ СССР НЕ ХОЧЕТ СТАНОВИТЬСЯ ПРОШЛЫМ? (Загадка «мутантного социализма»)

А.В. БУЗГАЛИН

Вопрос о *социально-экономической природе СССР* и других стран так называемой Мировой социалистической системы стоял и стоит как загадка сфинкса перед каждым исследователем проблем философии истории. Ибо более 70 лет эволюции едва ли не трети человечества серьезный ученый и политик, ответственный гражданин не может просто забыть как сон: этот сон продолжает сниться. И не только старикам: в моей стране его все чаще видит молодежь, сталкивающаяся с тем, что мир, возникший на развалинах СССР, не решил тех проблем, на вызовы которых пыталась ответить так называемая «Мировая социалистическая система» (МСС).

Так что же это было? Почему возникло и почему ушло в прошлое? Каковы уроки этого рождения и этой смерти?

На эти вопросы я хочу ответить циклом из трех кратких текстов, в основе которых – основные положения моего доклада на конференции «20 лет без СССР», ряда моих выступлений последних лет в России, Китае и Венесуэле, а также ряда написанных разделов из нашей совместной с А.И. Колгановым книги «10 мифов о СССР» (М., 2010).

1. Диалектика заката и генезиса социальных систем.

Методологическое введение.

Начну с очевидного: все XX столетие прошло под знаком развития системы, претендовавшей на снятие капитализма, но завершилось кризисом именно попыток создания посткапиталистического общества. Новый век принес новые проблемы – попытки рождения альтернатив капиталистической системе отчуждения не прекращаются. Ими полны Латинская Америка и новые социальные движения, ими продолжают грезить интеллектуалы... А «старая» система, вместо того чтобы обрести спокойствие, как казалось еще недавно, дарованное ей «концом истории», оказалась пронизанной глубокими противоречиями, грозящими не только продлить локальные войны и вопиющее неравенство (к этому вроде бы все уже привыкли), но и породить новую империю с неизбежно следующей за этим антиимперской борьбой, похоже, уже начавшейся в XXI веке.

Так новый век реактуализирует проблему исследования заката одних систем и рождения других, проблематизирует вопросы реформ и революций, ставит в повестку дня проблемы нелинейности общественного развития. Все это новые (хотя и не абсолютно) вызовы, на

которые уже начала отвечать диалектическая методология нового века.

В частности, мной продолжена, начатая нашими учителями, разработка *диалектики заката общественных систем*. Суть этого заката вкратце может быть представлена как закономерное самоотрицание в рамках этой системы ее генетических основ (качества) и сущности вследствие развития внутри нее ростков новой системы. По-видимости, парадоксом при этом является то, что последние вызываются к жизни потребностями самосохранения и развития прежнего строя, прогресс которого далее некоторой качественной черты невозможен вне самопродуцирования ростков новых качеств и сущностей.

Эта черта — *невозможность дальнейшего прогресса системы без внесения в нее элементов новой* — и знаменует собой начало заката некоторого общественного образования, в частности, — капитализма. Первые шаги такой диалектики были сделаны В.И. Лениным применительно к капитализму (тезис о подрыве товарного производства и генезисе элементов планомерности как свидетельстве перехода к фазе «умирания» капитализма) и развиты в советской политической экономии (хотя и в несколько апологетической форме)¹. Мы предлагаем развитие этого тезиса, показывая, что такое снятие не сводится к подрыву исходного качества системы, а должно пройти *по всей* ее структуре, видоизменяя *все* основные блоки системы и порождая внутри нее сложную систему переходных отношений².

Однако в этом тексте мы вынуждены адресовать читателя к нашим предшествующим публикациям и поставить наиболее важную в данном случае проблему *нелинейной диалектики генезиса новых систем*. Для этого процесса характерны не только нелинейность прогресса нового качества, но и *мультиценарность развития новой системы в условиях ее революционного генезиса*.

Качественный скачок есть по определению отрицание одного качества и рождение другого; для него характерны процессы и возникновения, и прехождения (что показал еще Гегель). И именно в силу этого временного «взаимоуничтожения» качеств старой и новой систем в момент революционного скачка становятся особенно значимыми флуктуации, зависящие отнюдь не только от предшествующего объективного развития системы³. В условиях революции «старая» объективная детерминация процессов и явлений, поведения индивидов и сложных общественных субъектов (социальных движений, партий и т.п.) ослабевает или *уже* не действует. Новая же объективная детерминация только возникает, она *еще* не действует или, по крайней мере, слаба. Для социальной революции этот тезис связан с известным феноменом возрастания роли субъективного начала, но,

на наш взгляд, последний есть лишь одно из проявлений более общей закономерности диалектического революционного скачка, кратко отмеченной выше.

На этой основе неявно принятая ранее в марксизме трактовка всякого революционного рождения новой социальной системы как явления однозначно прогрессивного, ведущего к появлению более эффективного и гуманного нового образования, была подвергнута нами критическому переосмыслению. На наш взгляд, для этого процесса характерна упомянутая выше мультисценарность развития, показывающая где, когда и почему, при каких предпосылках и условиях, в результате революционного перехода наиболее вероятным станет либо собственно прогрессивное развитие новой системы, либо противоположная тенденция – вырождение революции в свою противоположность, контрреволюционный возврат к старому качеству, либо рождение нового качества при недостаточных предпосылках, дальнейшая мутация прогрессивных тенденций, ведущая к кризису и контрреволюции при накоплении негативного потенциала внутри возникающего нового образования.

Кстати, здесь мы можем вспомнить о нашей интенции конструктивной критики постмодернизма. Так, для этого течения (во всяком случае, для многих представителей его левого крыла) характерно не полное отрицание каких-либо закономерностей эволюции, но «всего лишь» акцент на наличии многочисленных, более того, бесконечно открытых, не ограниченных и потому до конца (или вообще) не познаваемых вариантов развития. Этот акцент в свете всего сказанного выше, очевидно, неслучаен. Более того, как нам представляется, именно этот аспект постмодернизма объективно обусловлен тем, что на нынешней стадии заката капиталистической системы становится скорее правилом, чем исключением упомянутая выше объективная поливариантность (мультисценарность) процессов заката и рождения систем, их взаимоперехода. Этот объективный процесс и находит свое несколько мистифицированное и абсолютизированное отражение в постмодернизме.

Эта мультисценарность, естественно, бросает вызов традиционной диалектике с характерным для нее линейным детерминизмом внутри-системного развития. Диалектика мультисценарной эволюции, заката, рождения и взаимоперехода систем – это еще только формирующееся новое поле нашей науки. Но оно не пусто. Десятки работ по проблемам диалектики социальных революций и контрреволюций, реформ и контрреформ, реверсивных исторических эволюций создали некоторые основы для методологических обобщений, над которыми работают многие ученые, в том числе и автор этой статьи. Но не все можно вместить в один текст.

Соответственно возникает и вариант *диалектики тупикового развития старых и новых систем* с возможной стагнацией в этом состоянии или его революционным (контрреволюционным) взрывом.

Анализ реверсивных социоисторических траекторий позволил показать некоторые черты *диалектики регресса* — сферы, ранее лежавшей вне непосредственного поля марксистских исследований. Опыт последнего столетия дал, однако, немало материала для такого анализа. Стадия заката системы может порождать парадоксальную ситуацию объективно неизбежных, но при этом столь же объективно несвоевременных, не имеющих достаточных предпосылок, попыток революционного слома старого качества и рождения нового. И это касается не только примера революции в Российской империи. Весь период самоотрицания (заката) системы чреват такими попытками взрыва, он становится потенциально возможным с момента вхождения системы в эту стадию, но может произойти при разной степени вызревания предпосылок нового качества, в той числе и при недостаточном уровне развития последних. Все это будет порождать регрессивные процессы, характеризующиеся попятным нарастанием старых форм и снижением роли ростков нового в рамках переживающей закат системы.

Все эти компоненты характеризуют *диалектику перехода одной системы в другую*. Как явственно следует из предыдущего, этот переход предполагает, во-первых, достаточно длительное существование и нелинейное нарастание элементов новой системы внутри старой и, во-вторых, достаточно долгое и нелинейное отмирание элементов старой системы внутри новой.

На всем протяжении первого процесса, в любой его момент может начаться революционный переход к новому качеству. На всем протяжении второго может возникнуть контрреволюционный возврат к прежней системе. Кроме того, для обоих этапов — заката (старой системы) и становления (новой системы) типичным будет доминирование переходных отношений, а не «чистого» бытия той или иной системы.

Названные закономерности нами (в данном случае не только мной: я опирался на хорошо известное марксистское наследие, развивая его в меру своих сил) были выведены на основе анализа процесса заката капиталистической системы, царства необходимости в целом и первых попыток зарождения нового общества. Но, по нашему мнению, эти закономерности могут быть генерализованы и послужить в качестве гипотезы существования более общих закономерностей диалектики заката, регресса, трансформаций.

Однако оставим задачи генерализации будущему и посмотрим сквозь призму названной методологии на проблемы возникновения и распада СССР.

2. Причины возникновения и распада СССР: гипотеза «мутантного социализма»

Спектр основных вариантов ответа на вопрос о том, что такое СССР, в принципе хорошо известен. Господствующее сегодня либеральное мировидение исходит из того, что никакая иная социально-экономическая система, кроме рыночно-капиталистической вообще невозможна и потому «коммунистический» строй был исторической случайностью, возникновение которой было обусловлено субъективными факторами, и смерть которой является совершенно естественным доказательством невозможности существования социализма (коммунизма — либеральные исследователи их, как правило, не различают) вообще.

Столь же малоубедительным, по-видимому, является утверждение об однозначной прогрессивности общественно-экономической системы «реального социализма» и, соответственно, случайности его гибели вследствие субъективных причин. При этом отнюдь не случайно ортодоксальные либералы и ортодоксальные марксисты методологически сталкиваются здесь на одном пяточке апелляций к субъективным флуктуациям, «заговорам» и «предательству», пятась спинами навстречу друг другу в своем стремлении выдать свою плоскую позицию за истину в последней инстанции.

Профессионалам хорошо известны и давние споры внутри троцкизма между сторонниками трактовки СССР как рабочего государства с бюрократическими извращениями или как государственного капитализма.

На мой взгляд, ключевой пункт в ответе на вопрос о природе СССР — анализ объективных противоречий, породивших СССР, и того мирового контекста, которые, с одной стороны, вызвали к жизни этот специфический общественный организм, а с другой — привели к его распаду. Более того, я исхожу из того, что *причины возникновения и распада советской системы были в основе своей одни и те же*. Рассмотрим эту непростую диалектику подробнее.

Для моего понимания природы социального строя обществ «реального социализма» ключевым является тезис о наличии общеторической тенденции нелинейного заката царства необходимости и генезиса царства свободы как общей метаосновы всех конкретных изменений, характерных для XX — XXI веков.

Эта гипотеза позволяет сформулировать следующее утверждение: противоречия современной эпохи создают достаточные материальные предпосылки для генезиса «царства свободы». В то же время они показывают, что отмирание отношений отчуждения не может не быть длительным нелинейным интернациональным процессом. Именно его мы и обозначаем словом «социализм».

Весь вопрос, однако, в том, чтобы критически развить традиционное линейное понимание социализма как всего лишь первой стадии коммунистической общественно-экономической формации (ортодоксальный марксизм) или не более чем системы ценностей, которые могут частично реализоваться в рамках «постклассического» буржуазного общества путем реформ (социал-демократия).

Если мы поднимаемся до взгляда на процесс рождения нового общества как на интернациональный глобальный сдвиг в истории человечества, то и сам процесс трансформации приобретает новые характеристики. Поэтому *социализм может быть охарактеризован не столько как стадия общественно-экономической формации, сколько как нелинейный всемирный процесс перехода от эпохи отчуждения к «царству свободы» (коммунизму)*. Этот процесс включал, включает и будет включать в себя революции и контрреволюции; первые ростки нового общества в отдельных странах и регионах, их отмирание и появление вновь; социальные реформы и контрреформы в капиталистических странах; волны прогресса и спада различных социальных и собственно социалистических движений.

Генезис и распад «реального социализма» с нашей точки зрения есть часть этого всемирного процесса, приведшего на определенной стадии к генезису **«мутантного социализма»**. Под последним мы понимаем тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от капитализма к коммунизму. Это общественная система, выходящая за рамки капитализма, но не образующая устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к коммунизму.

Эти тезисы требуют некоторых пояснений.

Во-первых, заметим, что исследователям, пишущим работу о социализме на рубеже XX – XXI веков, трудно ответить на мощное возражение критиков, суть которого заключается в констатации кажущегося очевидным положения: никакого иного социализма, кроме того, что был в странах мировой социалистической системы, человечество не знает. Следовательно, у нас нет оснований считать этот строй мутацией.

Эта очевидность, однако, является ничем иным, как одной из классических превращенных форм, в которых только и проявляются все глубинные закономерности мира отчуждения. Ум (или, точнее, «здравый смысл» обывателя и его ученых собратьев) хочет и может видеть только эти формы, но не сущность. Между тем в нашем исследовании без выделения сущностных тенденций не обойтись. Эти сущностные тенденции рождения царства свободы, равно как и ростки социализма как интернационального процесса перехода к новому обществу, мы постарались показать выше на основе анализа объектив-

ных процессов заката царства необходимости и позднего капитализма постиндустриальных технологий и творческого труда, пострыночного регулирования, освобождения труда. То, что эти сущностные черты рождающегося нового общества не приобрели адекватных форм и не смогли развить присущий им потенциал прогресса производительных сил, человека как Личности и позволяет квалифицировать прошлое наших стран как *мутантный социализм*.

Следовательно, мы можем заключить, что в странах «мировой социалистической системы» был искажен не некий «идеал» социализма. Речь идет о том, что реальная общеисторическая тенденция перехода к царству свободы и адекватные ей реальные ростки социализма развились в мутантном, уродливом от рождения виде. Это касается ростков и пострыночной координации, в частности, и успешного планирования экономики, и ассоциированного присвоения общественного богатства, и социального равенства, и новой мотивации, и особых ценностей, и культуры.

Во-вторых, обращение к термину «мутация» неслучайно. В данном случае я пошел по не слишком оригинальному пути аналогий с некоторыми разработками в области естественных наук, чем «грешили» и марксизм («формация» и т.п.), и неоклассики. Категория «мутантный социализм» используется мной для квалификации общественной системы наших стран по аналогии с понятием мутации в эволюционной биологии (организмы, принадлежащие к определенному виду, в том числе – новому, только возникающему, обладают разнообразным набором признаков – «депо мутаций», которые в большей или меньшей степени адекватны «чистому» виду и в зависимости от изменения среды могут стать основой для «естественного отбора», выживания особей с определенным «депо мутаций», для выделения нового вида).

В момент генезиса, начиная с революции 1917 г., рождавшееся новое общество обладало набором признаков («депо мутаций»), позволявших ему эволюционировать по разным траекториям, в том числе – существенно отклоняться от оптимального пути трансформации «царства необходимости» в «царство свободы». Особенности «среды» – уровень развития производительных сил, социальной базы социалистических преобразований, культуры населения России и международная обстановка – привели к тому, что из имевшихся в «депо мутаций» элементов возникшей тогда системы наибольшее развитие и закрепление постепенно получили процессы бюрократизации, укрепления государственного капитализма и другие черты, породившие устойчивую, но *крайне жесткую, не приспособленную для дальнейших радикальных изменений систему*. В результате возник мутант процесса генезиса царства свободы (коммунизма).

Так сложился организм, который *именно в силу мутации* был, с одной стороны, хорошо приспособлен к «среде» России и мировой капиталистической системы первой половины и середины XX века, но с другой (по тем же самым причинам) был далек от траектории движения к коммунизму, диктуемой закономерностями и противоречиями процесса нелинейного отмирания, перехода мира отчуждения.

В результате в СССР сформировался строй, который мог жить, расти и даже бороться в условиях индустриально-аграрной России, находившейся в окружении колониальных империй, фашистских держав и т.п. Победа в Великой отечественной войне — самый могучий тому пример. Но *в силу тех же самых причин* (мутации «генеральных», стратегических социалистических тенденций) этот «вид» не был адекватен новым условиям генезиса информационного общества, он не смог дать адекватный ответ на вызов обострившихся глобальных проблем, новых процессов роста благосостояния, социализации и демократизации, развертывавшихся в развитых капиталистических странах во второй половине XX в.⁴

У сложившегося в рамках «социалистической системы» строя *в силу его бюрократической жесткости* был крайне узкий набор признаков («депо мутаций»), позволявших приспособляться к дальнейшим изменениям «внешней среды». Этому мутанту были свойственны мощные (хотя и глубинные, подспудные) противоречия: на одном полюсе — раковая опухоль бюрократизма, на другом — собственно социалистические элементы (ростки «живого творчества народа»), содержащие потенциал эволюции в направлении, способном дать адекватный ответ на вызов новых проблем конца XX века. Но постепенно последние оказались задавленными раком бюрократии. В результате *мутантный социализм не смог развиваться* именно в этих условиях, *более благоприятных для генезиса ростков царства свободы* — условиях развертывания НТР, обострения глобальных проблем и т.п., бросавших все больший вызов со стороны «общечеловеческих», т.е. собственно, коммунистических ценностей и норм миру отчуждения. Ответить на эти вызовы жесткий мутантный социализм не смог. Как следствие, он захирел («застой») и вполз в кризис.

Когда «мягкая» модель социально-ориентированного капитализма сменилась в 80-е годы «жесткой» и агрессивной правополиберальной, вызов рождающегося информационного общества стал практической проблемой, а внутренние проблемы мутантного социализма достигли такой остроты, которая не позволяла решить их в рамках сохранения прежнего вида, тогда и встал выбор: либо преодоление мутаций старой системы и движение в направлении к царству свободы, либо кризис. Первое оказалось невозможным в силу названной жесткости

старой системы. В результате мутантный социализм умер своей смертью, ускоренной, впрочем, мировым корпоративным капиталом.

Итак, мутантный социализм — тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от «царства необходимости» (в частности, капитализма) к «царству свободы» (коммунизму); это общественный строй, выходящий за рамки капитализма, но не образующий систему, служащую основанием для последующего движения к коммунизму.

Неслучайным парадоксом этого общества стало то, что в его рамках наименьшее развитие получили те сферы, которые составляют предпосылки социализма и по идее должны складываться в рамках буржуазной системы — прежде всего — развитие демократии, гражданского общества, прав и свобод индивида, обеспечение населения предметами потребления и услугами, высокий уровень дисциплины труда и т.п. И наоборот, в условиях «реального социализма» наибольшее развитие получили именно те сферы, которые собственно и характеризуют его как зарождающееся царство свободы (социализм) — общедоступные по охвату и гуманистические по содержанию культура, образование, наука и т.п. Более того, СССР и, позднее, другие страны МСС впервые в истории человечества в массовом масштабе генерировали ростки ассоциированного социального творчества и идеальный образ (теоретико-художественный идеал) будущего, коммунизма (теория социализма и советская культура были восприняты практически, в реальном образе жизни, большинством населения именно как такие идеальные прообразы будущего)⁵. При этом в силу неразвитости буржуазных предпосылок собственно социалистические задачи решались частично, в весьма специфических, мутантных формах (один из наиболее ярких примеров последних — бериевские «шарашки», где полуголодные заключенные в большинстве своем с искренним энтузиазмом создавали основы постиндустриального сектора СССР).

В результате мутантный социализм, возникнув на обломках еще недо-развитого (хотя в чем уже и пере-развитого) капитализма, не смог решить буржуазных задач, в чем-то успешно решая некоторые сверх-задачи движения к царству свободы. И это противоречие стало одним из глубинных оснований краха мутантного социализма. Сложилось же оно неслучайно: «реальный социализм возник как продукт «ловушки XX века», сделавшей поворот к социализму объективно необходимым (вследствие обострения противоречий империализма, приведших к первой в истории человечества мировой войне) и одновременно невозможным в силу слабой развитости предпосылок нового общества в нашей стране.

Подчеркнем: сказанное – не осуждение прошлого (хотя мы осуждаем самым решительным образом тиранов-сталининых, порожденных той эпохой, и вдвойне – их прихлебателей). Это констатация исторического факта: первая попытка «прорыва» к коммунизму породила такое общество. Те несколько шансов из ста, которые были даны нам для того, чтобы не скатиться в русло сталинщины в 20-е, чтобы не свалиться в кризис ельцинщины в 90-е, мы – граждане СССР и других стран мировой социалистической системы – реализовать не смогли. Закрывать глаза на то, что такая мутация произошла, не извлечь уроков из трагедии прошлого так же преступно, как предать забвению героическую борьбу наших отцов, дедов и прадедов за социализм.

В этом чудовищно интенсивном противоречии ростков и мутаций социализма – тайна нашего прошлого. Задача настоящего – трезвый научный анализ этих противоречий. Мы должны не закрывать глаза на ошибки и преступления прошлого, а понять их суть и причины, отделить великие героические достижения создателей социализма (от «простых» строителей Магнитки до таких титанов как Ленин или Маяковский) от трагических ошибок и преступлений, очистить зерна освобождения от плевел авторитаризма. Мы подчеркиваем реальную диалектичность, противоречивость, изменчивость и многообразие проявлений первых шагов к новому обществу, предпринятых в наших странах, диалектичность мощных противоречий и деформаций на этом пути. Важнейшим для нас является анализ как тех реальных новых общественных отношений (пострыночных, посткапиталистических), которые показали возможность возникновения социально-экономических отношений, нацеленных на развитие человеческих качеств, а не на максимизацию прибыли, так и их изначальных деформаций, приведших к трагедиям и преступлениям советского периода⁶.

3. СССР как вызов будущему

Этот анализ реальных преступлений, трагедий и прорывов в будущее «реального социализма» позволяет нам сделать вывод: *к началу новой эпохи – перехода к глобальному обществу знаний – общественно-экономический строй «реального социализма» оказался неподготовленным.* И здесь мы согласны с либеральными критиками социализма.

Но мы принципиально не согласны с тем, что из тупика советской модели был лишь один выход – к капитализму. Существовали и иные альтернативы, которые, однако, требовали «революции снизу» – качественной смены основ старой системы (государственно-бюрократического отчуждения). Произошло же лишь реформирование форм этого отчуждения и сделано оно было «сверху». Более того, мы еще накануне этих «реформ» показали, как и почему «шоковая

терапия» будет откатом назад, вызовет к жизни «негативную конвергенцию»: соединение худших черт старой системы (бюрократизма, волюнтаризма, диспропорциональной структуры экономики) и капитализма (социальное неравенство, криминализация общественной жизни, деградация «человеческих качеств» и т.п.), что будет сопряжено с социально-экономическим спадом, институциональным хаосом и нарастанием теневой экономики, возрождением добуржуазных форм личной зависимости и насилия при феодально-монополистической концентрации капитала и, как закономерное следствие, — угрозе восстановления авторитаризма.

Критическое отношение к сложившемуся на постсоветском пространстве типу реформ как исторически регрессивному, ведущему к снижению экономической и социальной эффективности по сравнению с и без того кризисной и малоэффективной советской системой — это еще один важный пункт, характеризующий мою позицию и позицию моих товарищей по постсоветской школе критического марксизма, предлагавших и предлагающих альтернативные программы опережающего развития для нашей страны на базе генезиса ростков «царства свободы», социализма.

В заключение этого раздела подчеркну: перед вдумчивым, идеологически незашоренным теоретиком стоит не только вопрос о том, почему СССР был столь противоречивым и ушел в прошлое, но и его *Alter Ego*: *почему в XX в. практически во всех странах, нелинейно и неравномерно, но непрерывно и объективно возникают интенции движения к миру, лежащему по ту сторону власти рынка и капитала? Почему постоянно совершаются социалистические революции или иные подвиги (Россия, Германия, Венгрия, Китай, Испания, Вьетнам, Куба, Чили, Венесуэла...)? Почему упорно воспроизводятся организации, требующие все более активного ограничения финансовых спекуляций и производства роскоши, рабочего времени и вредных выбросов, вооружений и бюрократии? Почему подлинная мировая культура, фундаментальная наука, гражданское общество ищут альтернативы «рыночному фундаментализму» (Дж. Сорос) и глобальной гегемонии капитала? Что это: непрерывная цепь случайностей или все же закономерность? Закономерность столь же устойчивая, сколь устойчива и закономерность поражения (вырождения) этих интенций?*

Социалистическая идея дает достаточно строгий ответ на этот вопрос-вызов. *Первоначальный этап генезиса любой новой общественной системы не может не быть периодом нелинейных трансформаций, включающих не только и не столько «чистый вид» закономерного генезиса нового мира, сколько мутации первых попыток продвижения к нему в условиях минимально достаточных предпосылок, победы и поражения этих первых шагов, их вырождение и возрождение. И это, повторю, за-*

кономерность. Даже относительно простой переход от одной системы отчуждения (феодалной) к другой (капиталистической), даже в таком узком локусе социального пространства как Европа шел около 500 лет, включая:

- первые удивительно красивые (и чудовищно кровавые) «эксперименты» ренессансной Италии, где проводилось «насаждение» рынка и демократии вместо «естественного», «богоданного» неравенства сословий и абсолютизма; напомним: они закончились провалом, лишь через триста лет дав всходы в виде освободительной войны Гарибальди...

- более трех столетий продолжавшиеся и всякий раз завершавшиеся поражением крестьянские и т.п. войны в Германии и Восточной Европе, которые лишь в конце XIX столетия привели к торжеству (и то не окончательному) капитализма;

- только в середине XIX в. отмененное (и то не до конца) крепостничество в России, которая предприняла едва ли 5 попыток перейти к капитализму и рынку⁷, но так и не перешла к ним полностью даже в XX в., оставаясь накануне 1917 г. страной военно-феодалного империализма...

И лишь для Великобритании и Нидерландов был характерен относительно линейный переход, который при этом «естественно» сопровождали кровавые войны-революции-огораживания-казни плюс колониальное порабощение и ограбление трети мира. И все это – история генезиса новой общественной системы в маленьком ареале обитания граждан мира. А Человечество в целом до конца не перешло к капитализму даже сейчас, в XXI веке...

Почему же мы считаем, что социализм как начало нового мира – «царства свободы» – должен рождаться линейно, быстро и без осложнений?

Может быть, правомернее иной взгляд – взгляд на первый опыт продвижения к «царству свободы» (СССР) как на аналог Ренессанса в его мучительных противоположностях великого взлета культуры и гуманизма и чудовищного падения мракобесной инквизиции и политического цинизма инициаторов гражданских войн по рецептам маккиавелизма⁸? Может быть, спустя 200 (а не 20, как ныне) лет после крушения СССР люди будущего, не забывая о ГУЛАГах, будут вспоминать об этом мире прежде всего как об эпохе Маяковского и Гагарина, «Броненосца Потемкина» и великих «рядовых» строителей новых городов и победителей фашизма?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эти положения, в частности, представлены в известной работе Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» и его тетрадах по империализму. В СССР об этом писали Н.А. Цаголов, С.Е. Янченко, В.В. Куликов, А.А. Пороховский и другие авторы, принадлежавшие к так называемой «Цаголовской школе». Подробнее об этой проблеме см.: *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Становление планомерной организации общественного производства. – Томск, 1985.

² См.: *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Пределы капитала. – М., 2010.

³ Эти тезисы развиты в IV части упоминавшейся выше нашей книги «Глобальный капитал» и серии статей в журнале «Альтернативы» (*Бузгалин А.В.* Социальные революции: ассоциированное социальное творчество и культура // Альтернативы. 2005. № 1; *Бузгалин А.В.* Революция: взгляд через 90 лет // Альтернативы. 2007. № 3). Положение о революции как периоде социальных бифуркаций аргументируется и раскрывается также в работах О.Н. Смолина. Эти положения были сформулированы нами, конечно же, не на пустом месте. В многочисленных работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, А. Грамши, Р. Люксембург и советских авторов (в частности, Г.Г. Водозаова, стоявшего в советское время на позициях революционного марксизма), писавших по проблемам теории революции отнюдь не только апологетические тексты, содержатся немалые основания для названных выше выводов.

⁴ Одним из парадоксов этого процесса является обусловленность некоторой социализации и гуманизации капитализма в 50 – 60-е гг. не только внутренними противоречиями этой системы, но и влиянием МСС.

⁵ Эта идея развита в работах Л.А. Булавки, в частности, в ее разделе в монографии «Критический марксизм. Продолжение дискуссий». – М., 2001.

⁶ Кстати, современным либералам тоже бы не грех «покаяться»: рынок и капитал также рождались и рождаются первоначально в весьма примитивных и уродливых формах, включающих массу пережитков насилия и личной зависимости, вырастая из крови, революций и массовых преступлений. Не менее кровавой была дорога колониализма; кровавой стала нынешняя эпоха «локальных» войн... Но что-то не видно среди нынешних апологетов капитализма энтузиазма анализировать меру закономерности преступлений капитала, совершенных им на протяжении столетий своего развития. О них либералы всех мастей – фридманы, хайеки, попперы и их российские ученики помалкивают.

⁷ Как тут не вспомнить Марка Твена: бросить курить очень легко; я это делал много раз...

⁸ Историческая параллель СССР и Итальянского Ренессанса была предложена мной более 10 лет назад. Позже Л.А. Булавка развила ее применительно к проблемам культуры. Недавно эту параллель независимо от меня открыл египетский политолог и экономист, исследователь глобализации Самир Амин.

Аннотация

В статье раскрывается диалектическое единство причин генезиса и распада СССР, взятых в их единстве. Методологическая основа статьи – новая диалектика нелинейных трансформационных процессов, генезиса и заката, включающая не только прогресс, но и инволюцию и регрессивные, реверсивные течения социального времени, контрреформы и контрреволюции. Автор доказывает, что неуспех первой попытки не есть неуспех стратегии такой трансформации, подобно тому, как первые попытки «строительства» буржуазного мира в ренессансной Италии не были основанием для вывода о тупиковости «капиталистического проекта».

Ключевые слова: СССР, социализм, марксизм, мутации, диалектика нелинейных процессов, революции и контрреволюции, прогресс и регресс, «ловушка XX века».

Summary

The article analyzes the dialectical unity of the reasons of both genesis and demise of the USSR in their unity. Methodological basis of the article is new dialectics of non-linear transformations, of genesis and «sunset» of social systems, which includes not only progress, but also regress, involution, reverse streams of the social time, counter-reforms and counter-revolutions. Author proves, that the failure of the first attempt is not the evidence of the failure of the strategy of such transformation and use the parallel with the collapse of the first attempts of «construction» of bourgeois world in Renaissance Italy, which were not the basis, proving the dead end character of capitalist project.

Keywords: USSR, socialism, marxism, mutations, non-linear dialectics, revolutions and counter-revolutions, progress and regress, «trap of the XX century».